

ЕЛЕНА ВИГ

О ЛЮБВИ, И НЕ ТОЛЬКО...

РОМАН В НОВЕЛЛАХ

Елена Виг
О ЛЮБВИ и не только...
Роман в новеллах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45554914
ISBN 9785005049780*

Аннотация

Во всем виноват Его Величество Случай. В этом смогли убедиться все герои этого романа: и те, которые считали, что уже доживают свою жизнь, и молодые, чья жизнь еще только начиналась, те, кто много лет не мог найти настоящую любовь, и кто неожиданно обрел то, о чем даже не мечтал. Именно случай свел вместе московскую пенсионерку Наталью Александровну и провинциальную девушку Аню, и эта встреча стала началом событий, которые описаны в этой книге.

Содержание

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ	5
1	5
2	15
3	22
4	29
5	43
6	54
7	61
8	69
9	76
10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

О ЛЮБВИ и не только...

Роман в новеллах

Елена Виг

*Моему мужу, благодаря которому я продолжаю
верить в любовь.*

© Елена Виг, 2019

ISBN 978-5-0050-4978-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

1

Мне пятьдесят восемь лет. Я вдова, у меня двое детей и четверо внуков. Я уже давно не работаю, получаю свою заслуженную за тридцать пять лет службы пенсию и ничего не делаю. Здорова, вполне еще бодра, имею несколько близких друзей, с которыми приятно провести время за чашкой чая, но еще больше тех, кто уже на кладбище. Моя жизнь состоялась, и, возможно, мне уже тоже место там, где мой муж, мои родители, мои близкие подруги детства, а не здесь, где у меня вполне налаженная, но совершенно бессмысленная жизнь.

Нет, ну действительно, вот если разобраться, то чем я занимаюсь целыми днями?

Я читаю, смотрю кино, общаюсь с друзьями в социальных сетях, отвечаю на электронные письма. Я люблю заниматься рукоделием, причем больше ради процесса, а не ради результата. Еще я люблю готовить, но теперь, когда я живу одна, мне не для кого это делать, поэтому я ем, что придется, супы не варю, пироги не пеку, ем колбасу и курицу, пью кофе, словом веду далеко не здоровый образ жизни.

А зачем мне продлевать свою жизнь? Я знаю, что все, что

я ем, вредно, но не понимаю, для чего мне следить за уровнем холестерина, будь он неладен. Чтобы прожить лишних пару лет? И что мне дадут эти лишние годы? Мои дети выросли, они живут отдельно. Ну, конечно, я очень их люблю, так же, как и внуков.

Но вот нужна ли я им, это очень большой и открытый вопрос, причем думаю, что я знаю на него ответ. И он меня не вдохновляет. Однако, по правде говоря, это знание меня и не сильно расстраивает, потому что мне грех жаловаться – я от этой жизни уже все получила. У меня был любимый и любящий муж, интересная работа, которая мне казалась полезной, замечательные дети. Я была профессионалом, женой, матерью. Теперь я пенсионерка, и у меня больше нет ни одной из тех функций, которые придавали смысл моему существованию.

Только не нужно думать, что мне плохо живется, или, что я нахожусь в депрессивном состоянии. Вовсе нет. У меня совершенно нормальное настроение, просто я трезво оцениваю ту стадию жизни, в которой теперь нахожусь. Эта стадия называется «доживание».

Я доживаю свой век, стараясь никого собой не обременять. Пока у меня это получается, а про будущее я просто не хочу думать. Никто не знает, что ему суждено. Мой муж не знал, что будет пять лет сражаться с онкологией в том возрасте, когда ему бы еще работать и работать. Моя мама не знала, что переживет отца на целых восемнадцать лет,

хотя всегда он был самым сильным, здоровым, «каменной стеной». Инфаркт в его пятьдесят пять – и ей пришлось научиться жить без него, на скромную пенсию, да еще и помогать растить моих детей.

Вот моя мама была настоящей бабушкой! Она жила с нами одной семьей, хотя очень держалась за свою материальную независимость, постоянно подчеркивая, что она ни у кого не сидит на шее. Мои дети были и ее детьми: она их кормила, гуляла с ними, читала книжки, делала уроки. Она давала мне возможность работать, не отдавая ни Сашу, ни Катю в детский сад.

Она была моим тылом, моей опорой. У нее был не очень простой характер, но мы обе не представляли себе жизни врозь. Такой жизни просто не могло быть, как бы нам ни хотелось. У нас была общая жилплощадь, но не это было главным. У нас была семья, большая, шумная, многопоколенная семья, в которой у каждого была своя роль. Со своей ролью бабушки она справлялась прекрасно, так же, как в свое время и ее мама. Меня тоже воспитывала бабушка, пока мои родители работали, зная, что я присмотрена – такая модель для нашей семьи не в новинку. Мама могла жаловаться и ворчать, что квартира маленькая, покоя нет, дети бегают, мы разбрасываем свои вещи где попало, но думаю, что именно необходимость преодолевать этот хаос и давала ей силы пережить смерть отца. Она просто не могла быть одинокой, когда под ногами болталось столько безмозглых.

Мы с мужем тоже проходили по этому разряду, какие бы позиции мы ни занимали на работе и сколько бы денег в дом ни приносили. К счастью у моего мужа хватало чувства юмора смириться с таким к нам отношением, и он в моих разборках с матерью, которые порой случались, всегда брал ее сторону. Я возмущалась, а он смеялся и говорил «Терпи!». Жили весело, если и покрикивали друг на друга, то без злости, дай Бог каждому такую жизнь! Нынешняя молодежь даже представить себе не может, как это жить с родителями под одной крышей в небольшой квартирке, с восьмиметровой кухней. Никаких тебе двух туалетов, отдельных комнат, гостиных. А я иногда скучаю по этой жизни большого семейного табора, хотя не думаю, что захотела бы жить с зятем или, тем более, с невесткой вот так, одной семьей. Сейчас уже нет.

Моя невестка родилась и выросла в Петербурге и туда же увезла моего сына после женитьбы. Мы с мужем были не против – хорошая девочка из приличной семьи, чего еще желать? И действительно, они прекрасно живут, у них интересная работа, двое замечательных детей, моих внуков, которых я практически не знаю.

Так часто бывает: есть бабушки реальные, а есть номинальные. Вот для детей моего сына я номинальная бабушка. Я шлю им подарки на дни рождения и праздники, получаю по электронной почте их фотографии, иногда они приезжают с сыном в Москву на пару дней погостить – вот и все на-

ше общение. Это плохо? Да, наверно, это плохо, но так сложилось и я ничего не могу сделать, чтобы эту ситуацию изменить.

Когда муж заболел, то сын приехал ко мне и прямо спросил, хочу ли я, чтобы он с семьей перебрался в Москву, чтобы помогать мне. Я отказалась. Чем он мог мне помочь? Вполне достаточно того, что наша жизнь в одночасье рухнула, когда мы узнали страшный диагноз. Не хватало еще и их срывать с насиженного места, лишать нормальной работы, отрывать его жену от семьи, с которой она очень близка, и которая оказывает ей реальную поддержку, помогая справляться с обязанностями работающей мамы двоих детей.

У меня замечательный сын. Он таким был всегда – серьезным, вдумчивым, ответственным. Я могла на него положиться еще в раннем возрасте: если он пообещал что-то сделать, то перепроверять его было не нужно. Он и сейчас такой по отношению к своей семье и ко мне тоже. Я знаю, что стоит мне его попросить, он тут же приедет, благо между нашими городами прекрасное сообщение. Я ни о чем его не прошу. Мне пока не нужно ни о чем его просить, и я надеюсь, что и не придется. Скучаю ли я по нему? Да, наверно скучаю, но это привычное состояние, пока еще не переходящее в патологическую форму. Переписка с ним, контакты в социальных сетях, телефонные звонки – мне этого хватает. А потом, у меня же есть Катя.

Катя всегда была любимицей моего мужа. Он, почему-то,

очень хотел девочку, и, получив ее, такую славную, хорошенькую, совершенно потерял голову. Я очень боялась, что Саша начнет ревновать отца к сестре, но он тоже был от Катьюшки без ума. Мы с мамой с нескрываемым удивлением смотрели как эти мужчины, большой и маленький, позволяют вить из себя веревки.

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить дочери, что она – не королева, а мы все – не ее подданные. К счастью, я была довольно убедительна, потому что уже к школе она поняла свое место в нашей семейной иерархии. Но и потом в любых конфликтах с ее участием папа всегда был добрым следователем, а я – злым. Когда я выговаривала мужа за слишком лояльное отношение к дочери, то он только виновато разводил руками – «Красота – страшная сила!».

Главным своим достижением я считаю то, что мне удалось, хотя я и сама не очень знаю, каким образом, добиться того, что мои дети обожают друг друга. Так было всегда, так остается и сейчас, когда у каждого своя семья и живут они в разных городах. Они полностью в курсе дел друг друга, я уверена, что они знают куда больше, чем я, о каждом из них.

Ну и прекрасно! Мне совсем это не обидно. Я ведь тоже не все говорила своим родителям, когда была молодая. Не то, чтобы сознательно скрывала, но не считала нужным взваливать свои проблемы на их плечи, старалась все решить самостоятельно. Я знала, что мама начнет квохтать, хвататься

за голову, папа будет ходить мрачным, несчастным. У меня были подруги, которым я могла сказать все, посоветоваться, попросить помощи, а родителей мне было жалко расстраивать. Поэтому я прекрасно понимаю, что если у Катюши будут какие-то сложности, то она сначала позвонит Саше с Ниной, а уж только потом мне.

А сложностей в ее жизни я жду постоянно. Не то, чтобы она была какая-то непутевая, совсем наоборот. Она всегда прекрасно училась, окончила институт с отличием, стала переводчиком. Но потом влюбилась и выскочила замуж. Я даже не могу сказать, что мне так уж неприятен ее муж. Просто он абсолютно чужой нам человек, таким и остается, хотя они женаты уже восемь лет.

Я помню, как мы с мужем возвращались с их свадьбы, которая была устроена по всем правилам, с тамадой, в ресторане. Было весело, много молодежи, Катя выглядела совершенно потрясающе в белом платье и фате. Она была счастлива, это было видно невооруженным глазом. После праздника они остались ночевать в гостинице, а мы уехали домой. Шел снег, легкий, пушистый, белый, как фата нашей дочери, только что ставшей женой, и вдруг муж сказал: «Интересно, на сколько лет ее хватит». Это был даже не вопрос, а просто мысли вслух, и они так не соответствовали этому тихому и благостному настроению, которое навевали кружащиеся в свете фонарей снежинки, что я даже остановилась.

— Господи, ты о чем?

– О том, что они рано или поздно разведутся, попомни мои слова.

– С чего это ты так решил?

– А с того, что он ей совершенно не подходит, просто она этого еще не понимает.

– Если ты считаешь, что он ей не подходит, то почему ты ее не отговорил?

– Ты что, не видишь, что это бесполезно. Она бы все равно ничего не поняла и не послушала. Но я знаю, что я прав. Он не плохой, но они совершенно разные. Это станет проблемой, уверяю тебя.

Он оказался прав. Он вообще почти всегда бывал прав, я к этому привыкла. Поэтому, когда четыре года назад Катя пришла в гости задумчивая, долго сидела, молча, на кухне, пила кофе, смотрела на своего четырехлетнего сына, катающего машинку по полу, то я поняла, что ее что-то гложет. Она тогда так и не сказала, чем огорчена, а у нас в семье не принято лезть человеку в душу: захочет – сам расскажет.

Прощаясь, она долго обнимала отца, который, хоть и был очень слаб, но вышел ее проводить. «Господи, я так скучаю по вам!» сказала она на прощание. Муж закрыл за ней дверь и, без слов, грустно ушел в свою комнату. Мы не стали обсуждать с ним, что могли значить эти слова, но у каждого из нас, вероятно, возникло чувство, что начинает сбываться его пророчество.

Через семь месяцев после этого родился Андрюшка. Ко-

гда я узнала, что дочь ждет второго ребенка, то, естественно, позвонила Саше. Он, как я и предполагала, уже знал об этом. У меня было двойственное отношение к этой новости, о чем я сыну честно сказала. Мы с мужем были огорчены тем, что дочь не работает, боялись, что второй ребенок засадит ее дома еще года на три, и ей будет потом очень сложно найти хорошее место – кто захочет брать женщину под тридцать, без опыта работы, да еще и с двумя маленькими детьми.

– Не волнуйся за нее – успокоил меня тогда сын. – Это ее выбор.

– Боюсь, что не ее, а Виктора.

– Нет, ошибаешься, только ее. Виктор – как раз – совершенно не в восторге!

Это было новостью для меня, причем новостью, добавившей поводов для моего беспокойства за судьбу их брака. Но беспокойся, не беспокойся, а решать все равно ей. Так мы их воспитывали с самого детства: ничего не запрещали, только рассказывали, какие могут быть последствия их решений. Например, помню, как муж застал Сашу с бабушкиной шпилькой в руках, которую он намеревался воткнуть в розетку.

Вместо того, чтобы кричать «Караул, не смей!» он посадил пятилетнего сына перед собой и прочел ему лекцию по технике безопасности в обращении с электричеством. Он объяснял малышу, почему провода изолированы, что бывает при ударах током, потом они развинтили одну из розе-

ток и посмотрели, как там все устроено. Ребенок был в восторге, ходил за отцом весь вечер, а когда лег спать, то муж, придя на кухню, сказал нам с мамой: — «Хорошо, что в этот раз я успел. Хотелось бы знать, куда его в следующий раз занесет его любопытство».

Когда Катя вышла замуж и ждала Ваню, отец сказал, что купит на свое имя квартиру, чтобы им не нужно было снимать жилье, определил максимальную сумму и велел выбирать. Выбор был такой: ближе к центру, а, следовательно, и к нам, но меньшую по площади, или большую, но подальше. Они с Виктором выбрали большую квартиру на окраине. Никакие наши аргументы, что это слишком далеко, не были услышаны. Это было близко от его работы, он и решал, где им жить. Отец тогда сказал: «Ты делаешь ошибку», но квартиру купил. Из-за того, что это была страшная даль, больше часа несколькими видами транспорта, я не ездила помогать ей с детьми. Если было что-то нужно, то она привозила их к нам, а сама шла по своим делам. Ни разу Катя не сказала, что жалеет о том, что живет так далеко, и мы это вопрос тоже не поднимали.

Если подумать, то и для Катиных детей я не могу быть полноценной бабушкой, хотя мы и живем в одном городе. После смерти отца Саша предлагал мне переехать в Питер поближе к нему, но я отказалась. Мне нужно было научиться одиночеству, и за эти полтора года я в этом вполне преуспела...

Катя позвонила и сказала, что приедет. Они с Андрюшей появились на пороге, когда я только садилась завтракать.

– Малыш, ты будешь есть с бабушкой? У меня есть твоя любимая каша.

Ребенок с удовольствием закивал головой, и они с мамой пошли мыть руки.

Какое счастье, что парень такой покладистый и так замечательно ест – старшему, Ване, угодить было значительно сложнее!

Внук ел, мы пили кофе, обсуждали всякие мелочи: погоду, Ванины школьные успехи, планы на предстоящее лето.

– Мама, я, вообще-то, поговорить с тобой приехала, – сказала Катя. – Я хочу на работу выйти.

– Ну и прекрасно. Нашла уже место?

– Нет пока, но собираюсь искать.

– Хорошо, но ты уверена, что справишься? Нет, ты не думай, что я против, но объясни, как ты себе это представляешь? Что ты собираешься с Андрюшей делать. В сад?

– Теоретически да, а практически в саду куча народу, туда попасть очень сложно, да и жалко его.

– И?

– И я не знаю, что мне делать, – призналась дочь.

– Но какие-то варианты ты все-таки продумывала?

– Они все плохие.

– Например...

– Например, что ты будешь к нам приезжать сидеть с парнем.

– Да, плохой вариант. Ты знаешь, во сколько мне нужно будет вставать, чтобы утром быть у тебя? Мне лучше вообще тогда не ложиться. Это можно сделать один раз, максимум два, но каждый день – исключено.

– Да, я понимаю, – дочь понурилась.

– Какие еще варианты?

– Ну, предположим, ты снимешь квартиру недалеко от нас.

– Я сниму? А на какие шиши, извини?

– Ну, можно было бы эту квартиру сдать, а на эти деньги снимать у нас.

– Замечательно придумано! – я начинала заводиться. – Я даже знаю, чьи это идеи. Значит, ему до работы ехать оттуда удобнее, поэтому теща должна сдать свою трехкомнатную квартиру в центре со всеми книгами и дорогими ей вещами и поселиться рядом со МКАДом в однокомнатном сарае. Просто прекрасно!

– Мама, ну не сердись, ведь должен же быть какой-то выход!

– Я стараюсь не сердиться, дочь, но не очень у меня получается. Когда мы говорили, что вы забираетесь слишком далеко, что это будет плохо с точки зрения логистики, то вы

нам что сказали? Что для вас важна Витина логистика. А то, что теперь тебе, если ты работать будешь в центре, придется до работы добираться больше часа, это как? А то, что к вам метро так и не провели, а ехать двумя видами транспорта в самую давку, это как? Единственный выход – бери няню, пусть она с мальчиком сидит. Ей за это деньги платят, пусть она и ездит так по утрам.

– Няне придется платить больше, чем я буду зарабатывать, ты же знаешь.

– Ну и что, ты будешь зарабатывать и свою зарплату отдавать няне, и Витя часть, справитесь.

– Нет, не справимся. Он кредитов набрал, мы и так едва концы с концами сводим. За Ваню в школе платим, за кружки его. На няню просто совсем не из чего выкраивать.

– А машину дорогую такую обязательно было покупать? Это, конечно, ваше дело, когда деньги есть, но когда их нет...

– Я ему говорила, но он думал, что получит повышение, под это и купил.

– Не получил?

– Нет.

– И что теперь?

– Теперь мне надо идти работать. – Катя почти плакала. – Я уже голову сломала, но не могу найти нормального выхода.

– Вам нужно поменять свою квартиру поближе ко мне. Да, не будете так роскошествовать в четырех комнатах, будете жить скромнее, но и тебе будет удобнее, и мне.

– Ты же знаешь, что Витя ни за что на это не пойдет! Он уже привык жить широко.

– Да мне плевать, к чему он привык! Я не собираюсь подстраиваться под твоего мужа, он мне никто, понимаешь? Это тебе он муж, а мне он никто, – повторила я.

Андрюша удивленно смотрел то на плачущую мать, то на разъяренную бабушку.

– Не кричи на маму! – вступился он за Катю, – Она хорошая!

– Малыш, я больше не буду, я знаю, что она хорошая. Ты пойди в комнату, включи себе телевизор, нам с мамой нужно поговорить.

Когда ребенок ушел, я сказала уже более спокойно.

– Катюш, тебе все равно придется уговорить мужа переехать, как тебе ни противна эта мысль. Пора уже перестать смотреть на все с позиции «Витя хочет, Витя не хочет». Ты будешь работать, надо, чтобы тебе это тоже было удобно, а не только ему. Единственно, чем я могу тебе помочь, это забрать Андрюшу на время к себе. Будешь приезжать за ним в пятницу, забирать на выходные, привозить в понедельник. Мы с ним прекрасно ладим, пусть поживет у меня.

– Нет, Витя на это тоже, наверно, не согласится.

– Ну, тогда живите, как хотите, я свои предложения исчерпала.

Я встала из-за стола и начала складывать грязную посуду в мойку. Катя шмыгала носом, но я больше не обращала

на это внимания. В какой-то момент я подумала, что хорошо, что муж не дожил до этого разговора. Он расценил бы его, как чистое предательство с ее стороны, ему было бы очень больно.

Уходя, она сказала, что поговорит с Витей. Я ничего не ответила, только молча закрыла за ними дверь.

Первым поползновением, конечно, было позвонить сыну и рассказать об этом разговоре, но я себя удержала. Я знала, как он отреагирует, и не хотела, чтобы он ругал сестру. Я решила, что нужно остыть и дать ей тоже возможность одуматься. Позвонила подруге, выслушала ее «Нет, ну ты подумай, какая нахалка!», потом пошла в магазин, но по дороге зашла в парк и села на скамейку. Солнце припекало почти по-летнему, скоро закончится учебный год. Я смотрела на играющих детей из соседней школы и думала про своих внуков.

Старший, Ваня, заканчивал первый класс, младшему уже исполнилось три года. Замечательные мальчишки, умненькие, веселые. Они не виноваты в том, что их родители еще не научились думать, как взрослые люди. Зачем они набрали столько кредитов? Ведь можно было взять не четырехкомнатную квартиру, а трешку, тогда денег хватило бы и на мебель. Нет, все должно быть как в кино, и даже лучше!

Поэтому четыре комнаты, дорогая итальянская мебель в кредит, при том, что жена не работает. Не успели расплатиться с одним кредитом, взяли машину, причем не про-

стую, а большую и очень дорогую. Теперь он поменял ее на еще более дорогую, и тоже в кредит. И что? Наступает лето, а денег на отпуск нет. Опять в банк побегут? Или дети будут все лето сидеть в Москве, в этих каменных джунглях с маленькой детской площадкой между двадцатиэтажными корпусами?

Надо будет уговорить ее отдать мне детей хотя бы на лето, у нас здесь и то больше зелени, чем в их спальном муравейнике. Будем ходить с парнями на реку, гулять по набережной, кататься на роликах. Или она опять будет оглядываться на мужа – «Витя по детям скучает»? Да черта с два он по ним скучает! Он приходит с работы, когда они уже спят. Это хорошо, что он работает, старается, но они сами загнали себя в эту ловушку, пусть теперь тянет эту лямку.

Скучает он! Если бы он о ком-то думал, кроме себя, то не принимал бы таких дурацких решений. И пусть не говорит, что все это он делает ради жены и детей. Это только, чтобы пустить пыль в глаза приятелям и коллегам. Такое впечатление, что все они участвуют в каком-то соревновании – у кого квартира больше, у кого тачка круче. Вот это ему важно, а не то, где его дети будут лето проводить. Ну, он-то ладно, на него мне наплевать, но Катя-то почему идет у него на поводу? Она что, не понимает, что стоит за всеми этими покупками? Неужели она так ослепла от любви к нему, что не видит его реальной цены?

Когда восемь лет назад она выходила замуж, то была

влюблена в него, как сумасшедшая. Но сейчас она все меньше похожа на счастливую возлюбленную, и все больше на замороченную домохозяйку, в голове у которой только магазин, кухня, школа, уборка и опять магазин. Я не помню, когда они последний раз куда-то выходили вечером, точно, когда еще Андрюшки не было. Я не знаю, есть ли у них друзья, кроме Саши и его семьи.

Помнится, как-то они ездили на дачу к одному Витиному приятелю, и, когда я ее спросила, как там все было, то она только рукой махнула, мол, не о чем говорить, сказала только «Да обычно – пьянка под шашлыки». Нет, не выглядит она радостной в последнее время. Только когда разговаривает со своими мальчишками, ее лицо освещается такой нежной улыбкой, что сразу становится понятно, насколько она их любит. Бедная, бедная моя девочка! Но что я могу сделать? Идти на поводу у зятя? Мне это уже совершенно не под силу. Пять лет ухода за тяжело больным мужем даром тоже не прошли: гипертония, сердце, сосуды. Меня и на неделю не хватит встать в половину шестого утра.

Я предложила ей вполне приемлемое решение. Тогда почему же мне кажется, что я в чем-то перед ней виновата? Почему у меня такое чувство, что я отказываюсь делать то, к чему предназначена: быть настоящей бабушкой? Да нет же, я сделала все свои шаги ей навстречу, а вот, сделает ли она свои, или я так и буду одиноко стоять у разделительной черты? Поживем, увидим.

Или Катя еще не разговаривала с мужем, или говорила, но толку от него не добились, но не звонила она почти неделю. Был самый конец мая, старший внук уже закончил учиться, и я не знала, что мне делать: то ли выдерживать характер и ждать ее звонка, то ли звонить самой, и предлагать забрать у нее сыновей на лето к себе, чтобы она могла спокойно разобраться со своими делами. На душе было паршиво, хотя я понимала, что ни в чем перед ней не виновата. Я все время ждала звонка, а телефон молчал, или звонили со всякой никому не нужной рекламой. Вот и сейчас я бежала к телефону, надеясь, что это дочь, но звонили из собеса.

– Наталья Александровна?

– Да.

– Я звоню вам по поводу путевки в санаторий.

– Простите, я не понимаю, какой путевки?

– Вы же оставляли у нас заявку на путевку?

– Ну, возможно, и оставляла, но это было очень давно – больше года назад.

– Ну, вот теперь у нас есть горящая путевка в санаторий в Калужской области. Человек, который должен был ехать, неожиданно умер, путевка с ближайшего понедельника. Как раз по вашему профилю заболеваний.

Вот ведь как мне повезло! Человек неожиданно умер

и оставил мне такое наследство. А говорят, что чудес на свете не бывает...

– Простите, но я не могу вот так, сразу, решить. Мне подумать надо.

– Можете подумать, но только до вечера. Всего три дня до заезда осталось, а желающих у нас много, вы же понимаете.

– Понимаю. Я перезвоню через пару часов.

Я положила трубку и задумалась. Я совершенно не собиралась никуда уезжать из Москвы, да, собственно, мне и некуда было ехать. Но, с другой стороны, почему бы не поехать по бесплатной путевке, поделатъ какие-то процедуры. Для здоровья точно не вредно. А как же Катя и мальчики? Я набрала номер дочери.

– Катюш, – начала я – понимаешь, мне предложили путевку в санаторий, но я хотела ребят к себе забрать, погулять с ними.

– Нет, мама, не нужно их забирать, я с ними к Ирке на дачу поеду. Она там со Степой одна будет, ее родители отдыхать на месяц уезжают. Вот мы с ней этот месяц и проведем с детьми в тишине и покое.

Ирка – Катина школьная подруга, Степа – ее пятилетний сын, которого она воспитывала одна, после того, как прогнала непутевого мужа.

– Так что, я могу уехать на три недели?

– Легко. Хорошо тебе отдохнуть!

– Спасибо – сказала я и положила трубку.

Нет, действительно нахалка! Даже не удосужилась поставить меня в известность относительно своих планов. Я тут бегаю к каждому телефонному звонку, а она, оказывается, и думать о матери забыла! Но, с другой стороны, действительно все хорошо складывается: они будут на даче, я в санатории, а потом решим, что делать с парнями. А пока отдохнем друг от друга. Похоже, нам обеим нужна небольшая пауза.

Санаторий был новый, территория ухоженная, кругом лес и поля. Действительно повезло! Подходя к своему номеру, я увидела, что дверь приоткрыта.

– Нет, папа, здесь все паршиво! – голос был совсем молодой. – Не знаю я, как кормят, но комната на двоих. Представляешь, сейчас поделят какую-нибудь старуху, и общайся с ней три недели.

Я остановилась перед дверью, желая дослушать этот разговор до конца. Конечно, для этой девушки я старуха, но, почему-то, стало ужасно обидно. Ах, не хочет общаться со старухой, так и не надо! Можем вообще не разговаривать.

– Папа, перестань меня уговаривать, я знаю, что надо. Я просто говорю, что здесь скучно, – небольшая пауза, видимо, слушает папины увещания – Ладно, договорились. Я тебе позвоню.

Я открыла дверь и, молча, вошла. Номер был с двумя кро-

ватами. На одной сидела девушка лет двадцати, светловолосая, чуть полноватая, но вполне симпатичная: большие серые глаза, темные брови, ямочки на щеках. Я, не говоря ни слова, прошла к своей кровати и стала разбирать чемодан. Девушка тоже молчала, только удивленно наблюдала за моими действиями.

– Здравствуйте – сказала она нерешительно, и, после паузы, так и не дождавшись ответа, представилась, – меня Аней зовут.

О, она просто еще не знает, как я умею молчать! Этому я научилась у своей мамы, которая могла это делать совершенно виртуозно. Если она на что-то обижалась, то она наказывала меня своим молчанием. В нем можно было прочитывать столько упреков, такую бурю эмоций. Она, молча, качала головой, поднимала брови, фыркала на все мои замечания, она могла ходить, едва не задевая меня плечом, так, как будто меня вообще в комнате не было. Это была просто песня, а не молчание!

И только когда ей надоедала эта игра, она удостаивала меня объяснением, насколько я не права, и почему она вообще не желает со мной разговаривать. Обычно ее хватало на пару дней, в течение которых я должна была сама догадаться, что именно я сделала не так, и принести свои извинения. Я, как правило, не особо ломала голову над этими загадками, зная, что ей самой это скоро надоест, и она скажет, в чем же я виновата. Но я очень хорошо знала, какими тягостными мо-

гут быть эти дни тишины, и, если молчание затягивалось, отправляла кого-нибудь из членов семьи выяснить, в чем суть претензий.

Я посмотрела на девушку в упор, потом отвела взгляд и продолжала распаковывать вещи. Молчание становилось все более демонстративным. Я взяла свои документы и пошла в регистратуру записаться к врачу и на процедуры. Выходя из комнаты, я чувствовала на себе ее удивленный и огорченный взгляд. Ну и отлично! Пусть помучается! Какое право она имела называть меня старухой?! Ей, видите ли, придется три недели со старухой общаться. А вот, и не придется!

Завершив все формальности, я вернулась в комнату. К этому моменту обида уже прошла, я понимала, что нужно заканчивать эту демонстрацию, тем более что девочка не понимает, что, собственно, она сделала. Аня продолжала сидеть на кровати, на коленях у нее была книга, довольно толстая. Половину ее она уже прочитала. Что ж, еще одно очко в ее пользу, значит не совсем глупая. Я прошла к своей кровати, достала из сумки электронную книгу, и стала искать, что бы почитать. В комнате стояла тишина, не было слышно даже шелеста переворачиваемых страниц.

– Значит, вы решили со мной не разговаривать – вдруг сказала Аня.

Это был не вопрос, а утверждение. Я посмотрела на нее, и мне стало жалко девушку. Ну, действительно, она ведь

не понимает, с чего вдруг эта баба-яга так себя ведет, не понимает, в чем провинилась.

– Да, я с тобой не разговариваю.

– А почему?

– А потому что я – старуха, с которой тебе придется три недели общаться. Я тебя избавляю от этой необходимости.

Я никогда не видела, чтобы люди так краснели, даже кожа на голове стала ярко розового цвета. Она поняла, что я услышала ее разговор с отцом, и ей было ужасно стыдно.

– Простите, пожалуйста, я не хотела вас обидеть. Я вообще никого не хотела обидеть, просто я понимаю, что здесь будет очень скучно, я вообще сюда ехать не хотела. И вы никакая не старуха.

– Старуха – очень обидное слово, ты сама это когда-нибудь поймешь. Даже если женщина очень старая, то никогда не называй ее старухой.

– Не буду, честное слово не буду.

– Ладно.

– Значит, будете со мной разговаривать?

Это звучало так наивно и по-детски, что я не смогла скрыть улыбку.

– А как вас зовут? Меня зовут Аней.

– Да, я это уже поняла. Я – Наталья Александровна.

– А вы из Калуги?

– Нет, из Москвы.

– А я из Калуги.

Она говорила без умолку. Через десять минут я уже знала, что она живет недалеко от Калуги, учится в финансовом университете, заканчивает в будущем году, зимой перенесла воспаление легких, поэтому папа отправил ее в санаторий поправлять здоровье. У папы какой-то бизнес, вроде деревообработка, у них есть дом, кухарка. Про маму не было сказано ни слова. Ладно, потом как-нибудь спрошу, что там с мамой.

Девочка мне показалась немного странной. Она была не глупая, речь правильная, достаточно культурная, но в ней было что-то не от мира сего. Как будто ей не двадцать, а лет двенадцать, и она прожила все эти годы на необитаемом острове, поэтому теперь, увидев первого человека, она не может наговориться. Если так пойдет и дальше, то веселенькое времяпровождение мне предстоит!

Аня оказалась права – общаться в санатории было абсолютно не с кем: возрастная публика, озабоченная собственным здоровьем и пересказывающая друг другу новости центрального телевидения с дополнениями и комментариями. Поэтому мне несказанно повезло, что попалась такая занятая соседка. А девочка действительно была неординарная.

Она жила с отцом, мать их бросила, когда Ане было года три.

– Я и не помню ее совсем, – призналась она, и в этом признании не было ни тоски, ни горечи, просто констатация факта.

Отец был врачом, но значительную часть жизни проработал в колониях для преступников. Мне как-то никогда не приходило в голову, что в таких местах кроме преступников и охранников могут быть еще и люди вполне гуманитарных профессий, но вот таким и был Анин папа. Я спросила у Ани, где территориально они жили, но кроме «где-то в Мордовии», она мне ничего не ответила. Не то, чтобы ее как-то угнетало то, что она жила там, куда обычно люди по собственной воле не попадают, наоборот, для нее это была совершенно нормальная жизнь. Жили они не на территории колонии, а в поселке неподалеку. Когда она была совсем маленькая, то отец нанимал местную женщину, которая

за ней присматривала «тетю Таню». Огород, куры, свинья – нормальный быт деревенского ребенка. В поселке была начальная школа, которую Аня окончила. Про этот период своей жизни Аня могла рассказывать часами. Как они с папой по выходным рыбу на речке ловили, как о с тетей Таней в лес за малиной ходили, какую собаку они завели для охраны.

– Эта была огромная собака, помесь овчарки с волком. Папа ее сам учил. Очень умная была, за мной везде ходила. Приходила со мной в школу и лежала под дверью, пока уроки не закончатся, а потом домой меня вела. Ее звали Шайтан. Она не кусалась, но очень страшно рычала. Ее в деревне все боялись, поэтому никто меня и не обижал там. Девять лет с нами прожил. А уже когда мы здесь жили, то к нам воры однажды в дом забрались, так Шайтан их чуть не загрыз, хорошо, папа подрос и полицию вызвал.

Я удивилась – для деревенской девочки она была слишком хорошо развита.

– А где же ты училась дальше, если в деревне нормальной школы не было? – спросила я.

– Нигде, дома занималась.

– А другие дети?

– Да все уехали. Там в тридцати километрах нормальная школа была, вот туда все и переезжали, когда вырастали.

– С родителями?

– Ну да. Там было больше работы, чем у нас в деревне. Поэтому у нас только старики и маленькие дети и жили, те,

кто пенсию получал. А работали все в городе. Там хорошо: поликлиника, школа. Но папа не захотел, чтобы мы там жили, ему до работы было очень далеко.

– А кто с тобой занимался, папа?

– Нет, я сама занималась. Читала учебники, вечером папе рассказывала. Очень было интересно. Это совсем не сложно, – сказала Аня, увидев мое удивление. – В учебниках же все хорошо написано, еще у меня энциклопедия была детская. А в колонии в библиотеке книжки мне папа брал.

– А тебе одной не было скучно? Ну, без подружек...

– Нет, у меня был Шайтан, вечером папа приходил, да и дел было много, когда скучать-то?

– А кто еду готовил, убирал?

– Ну, не знаю. Мы с папой все сами делали. А чего сложного то?

Теперь мне многое стало в ней понятнее, и эта девочка меня все больше удивляла. Теперь было ясно, откуда у меня возникло такое чувство, что она немного странная, не похожая на своих сверстниц. Она же воспитывалась в совершенно отличных от нормального современного ребенка условиях. Правда, она сама считала такую жизнь абсолютно нормальной. Ее главными собеседниками были Шайтан, деревенская женщина «тетя Таня» и папа. Ее основными источниками информации были книги. Никакого Интернета, никаких подружек с их дурацкими подростковыми проблемами, никакой нормальной женщины рядом, которая могла бы

чему-то научить. До всего дошла сама, прошла такую школу выживания, которая совершенно беспрецедентна. А, с другой стороны, была немного инфантильна, не по годам невинна, как будто воспитывалась не в деревне, а в монастыре.

– Аня, а как получилось, что вы с папой оказались здесь, под Калугой?

– Папа ушел на пенсию, и мы переехали.

– На пенсию? А сколько же папе лет?

– Он еще не очень старый, ему пятьдесят пять.

Я сообразила, что военные выходят на пенсию после двадцати лет стажа. Да, все сходится.

– А потом, мне же надо было в институт поступать! – продолжала Аня.

– А в каком институте ты учишься?

– В финансово-экономическом.

– Нравится?

– Нет, не нравится, скучно.

– А почему же тогда ты его выбрала?

– Не знаю, – Аня пожала плечами, – папа сказал «Иди, стань экономистом», я и пошла.

– А где работать будешь?

– Да откуда я знаю? – было понятно, что этот вопрос ее раздражает – мне еще год учиться, а там папа что-нибудь придумает.

Папа, папа, папа... А, с другой стороны, что я хочу? Кто еще у нее есть, чтобы организовать ее жизнь? Они только

двое на этом свете – она и папа. Понятно, что так не может быть всегда, но это их маленький мир, в котором есть четкое распределение ролей – папа решает, она исполняет, причем делает это со всей ответственностью. Наверняка и в институте учится хорошо, и диплом получит. Жаль только, что не интересно ей это. Будет работать и скучать всю оставшуюся жизнь от нелюбимой работы. А, может, и не будет. Папа найдет ей какого-нибудь хорошего мужа, она родит ему кучу светловолосых внуков и будет счастлива.

В нашей семье все было не так, а, возможно, что мне только казалось, что у наших детей есть выбор, и они сами решают свою судьбу. Саша пошел по стопам отца, стал юристом. Ему это нравится, всегда нравилось. Но я иногда думала, а что было бы, если бы папа не был юристом, а был бы, например, инженером. Возможно, что юридический нашему сыну и в голову не пришел бы. Он бы видел с детства, чем занимается отец, и, если его голова не отвергала бы на корню точные науки, а у Саши голова – прекрасная, то он бы мог стать и хорошим конструктором, как сейчас стал отличным юристом. Так что рабочие династии, о которых столько говорили при социализме, далеко не пустой звук.

Что касается Кати, то были ли иностранные языки только ее выбором? Тоже нет. Просто у девочки было не особо хорошо с математикой, а вот с гуманитарными предметами в школе, наоборот, никаких проблем не было. Поэтому языки, поэтому Иняз, поэтому она стала переводчиком.

А почему не историком, не географом, не учителем? Да потому, что в нашей семье никто ничего про эти профессии не знал, связей в этих кругах не имел – папа юрист, мама экономист, и мы считали, что со знанием языка ей будет легче найти нормальную, хорошо оплачиваемую работу. Ну, вот и посмотрим, правы ли мы с мужем были. Если она намерена действительно искать работу, то сейчас самое время, чтобы сработали ее конкурентные преимущества, а то сядет она со своими двумя языками где-нибудь офис менеджером с грошовой зарплатой.

Все утро у нас было, как правило, занято разными процедурами, а после мы гуляли. Однажды, собираясь, на прогулку, я сказала, что прохладно, и предложила Ане надеть какую-нибудь куртку для утепления. Она порылась в своих вещах и достала укороченную курточку из искусственной кожи. Фасон был нормальный, но цвет... Куртка была ярко зеленая – что совершенно не подходило к синим джинсам. Аня увидела мой скептический взгляд.

– Что, плохая куртка, вам не нравится?

– Нет, не плохая, просто по цвету не очень подходит.

Аня надела ее стала рассматривать себя в зеркале.

– Я не понимаю, почему не подходит – призналась она.

– Знаешь, вот если бы брюки были черные, серые, а еще лучше светло-серые, то было бы неплохо, но к такой яркой куртке нужно еще что-то, чтобы ее уравновесить, например

сумку или шарф.

– Еще и сумку зеленую? – удивилась Аня.

– Нет, вот только, не зеленую. Нужно, чтобы сумка была нейтрального цвета, лучше всего такого же, как брюки или туфли, но она должна привлекать к себе внимание, например, быть довольно крупной, с броской фурнитурой. Тогда на фоне этой сумки твоя куртка не будет выглядеть такой вызывающей. Поняла?

– Да, вроде поняла. А если сумки нет?

– Тогда нужен шарф, который привлечет к себе внимание и, одновременно, отвлечет от куртки.

– Яркий?

– Нет, я бы считала, что он должен быть спокойный, по цвету перекликающийся с брюками, или может быть тоже зеленым, но более светлым.

– Ой, как это сложно!

– Да не очень это сложно. Ты спроси у подружек в институте, они тебе помогут подобрать.

– Да не у кого мне спрашивать, со мной там никто не разговаривает.

– Это почему же? – удивилась я.

– Я им не нравлюсь. Я думаю это потому, что я толстая.

– Никакая ты не толстая, что ты придумываешь.

– Они на меня смотрят и насмеются. Я это вижу, я же не слепая. Но мне это до лампочки. Все равно мне с ними не интересно. Они только про мальчишек и про диеты раз-

говаривают. А я на диетах сидеть не буду, меня тогда Маша прибьет, если я ее еду не съем.

– Маша – это ваша кухарка?

– Да, она у нас уже давно, как только переехали сюда. Она готовит и убирает, живет у нас во флигеле. Ей папа жизнь спас.

– Как это спас? Когда?

– А когда в колонии работал. Она там поссорилась с другими женщинами, и они ее сильно порезали. А папа спас. Она, когда освободилась, то нашла его. Вот с тех пор и живет у нас. Она хорошая, только немного страшная. У нее шрам через все лицо, но мы к этому привыкли и не замечаем совсем.

– А ты скажи Маше, чтобы она тебе больше овощей готовила, салатов.

– Да не люблю я салаты, я картошку люблю и макароны. И мясо люблю, и курицу, а вот рыбу не люблю. Там, где мы жили, рыба была только в речке, но она была костлявая, поэтому ее только кошки ели.

Я хорошо представила эту картину. Ребенок живет в глухом поселке, хорошо еще, что сам себе и отцу готовит, тут уж не до деликатесов. Понятно, что она привыкла к макаронам и картошке. Еще странно, что при таких кулинарных предпочтениях у нее вполне ладная фигурка, мужчины таких как раз и любят: полная грудь, широкие бедра, вполне просматриваемая талия. И не нужно было бы ничего менять, но если

и дальше будет налегать на углеводы, то годам к тридцати располнеет сильно.

Мы шли по лесу, и я пыталась объяснить ей, как она должна, на мой взгляд, питаться, чтобы не стать «бочкой» по ее же словам. Она кивала головой и говорила «да, это я могу» или «нет, я это не ем». В сухом остатке оказалось немало блюд, которые она либо любила, либо еще не ела, но готова была попробовать. Мы даже договорились, что я пришлю ей ссылки на то, как это нужно готовить.

Мне все больше нравилась эта девочка. Она была такая в хорошем смысле слова «нормальная», не испорченная цивилизацией, какие сейчас встречаются редко. Иногда она выражалась грубовато, но теперь я понимала, что это от того, что там, где она росла, все так говорили, это была норма бытового общения. Она ни на кого не держала зла – ни на мать, которая ее бросила, ни на одноклассниц, которые не приняли ее в свой круг. Она искренне любила своего папу, Машу, своих собак. Я вдруг подумала, что тот мужчина, который за этой грубоватой оболочкой сможет разглядеть прекрасную женщину и полюбить ее такой, не очень воспитанной, не отлакированной, но доброй, умной и тонко чувствующей, будет с ней счастлив, если добьется взаимного чувства. Но пока никаких парней в ее жизни и даже в мыслях не было, и, возможно, это было к лучшему. Я с трудом представляла, что кто-то сможет безболезненно вклиниться между ней и ее отцом. Я его совершенно не знала, но понимала,

что та связь, которая между ними существует, очень сильна, и трудно представить, что он спокойно отнесется к появлению другого мужчины в ее жизни.

— А давайте, съездим в город — как-то предложила Аня, когда до отъезда оставалось всего несколько дней. — Мы могли бы там по магазинам походить.

— Ты хочешь себе купить что-то?

— Ну, да, — я почувствовала ее нерешительность, — папа разрешил.

— Давай, съездим, я с удовольствием.

— Правда? А сегодня можем?

Мы поехали сразу после обеда. Давно я не получала такого удовольствия от похода по магазинам! Себе я уже несколько лет ничего не покупала. Моей задачей было сносить хотя бы наполовину то, что висело в моем шкафу и осталось еще с тех времен, когда я ежедневно ходила на работу. Сейчас я практически ничего из этого не ношу, надеваю брюки и что-нибудь сверху по погоде. Не для кого и некуда.

С тех пор, как умер муж, мне стало совершенно безразлично, как я выгляжу. Я понимаю, что это не правильно, но мои дети видели меня всякой, я надеюсь, что они не разлюбят меня, даже когда я буду совсем старенькой и страшной. Мои подруги, с которыми я периодически встречаюсь, хожу на выставки, в театр, не ждут от меня, чтобы я одевалась по последней моде. Они, скорее всего, вообще не осо-

бо обращают внимание, что на мне надето. Могут отметить какие-нибудь яркие бусы или другое украшение. Да, в принципе, для походов «в присутствие», как говорил мой муж, у меня достаточно одежды. А в магазин можно и в джинсах сходить.

Дочь моя в моих советах не нуждается, она сама прекрасно справляется с задачей выбора нарядов. А, кроме того, если она идет в магазин, значит, я сижу с ее детьми. А вот с Аней мы оттянулись по полной!

Мы хорошо подготовились к этому походу. Сначала пересмотрели весь ее гардероб и обсудили, что будем покупать. Нашей задачей было создать как можно больше вариантов возможных комбинаций с уже имеющимися вещами. Мы даже нарисовали какие-то комплекты. Это была очень увлекательная игра, похожая на ту, в которую я, да и почти все мои сверстницы, играла в детстве.

Продавался тогда такой журнал, в котором была нарисована девочка в трусах и маечке. Ее нужно было вырезать и надевать на нее разные платья, которые были в том же журнале. Но мы этим не ограничивались. Мы сами рисовали разные платья, юбки, пальто, делали для них такие же загибающиеся полоски, на которых они хорошо держались на вырезанной девочке. Это был наш собственный дом моделей. Мы приносили эти бумажные куклы в класс, показывали новые наряды, хвастались, у кого круче.

Вот и сейчас я вернулась на пятьдесят лет назад и рисова-

ла Аню в различных вариантах одежды. Художник из меня неважный, но принцип она уловила быстро.

Помните фильм «Красотка» с Ричардом Гиром и Джулией Робертс? Вот я и была таким Ричардом Гиром – придиричиво рассматривала «Джулию Робертс» – Аню, когда она выходила из примерочной в очередной блузке или платье. В результате мы купили несколько очень приличных вещей, в которых девушка смотрелась современно, но не вызывающе.

Мы сидели в кафе, пили кофе с пирожными, и обсуждали результаты нашего набега на магазин.

– Знаешь, Анечка, что самое хорошее в тех вещах, которые мы купили? – спросила я. – А то, что в них ты будешь очень уместно смотреться и в институте, и в любом другом месте.

– Я не очень понимаю, что такое «уместно» – призналась она.

– Хорошо, давай разберем на примере. Вот представь, что тебе нужно идти на похороны. Ты как оденешься?

– Ну, понятно как – надену что-нибудь черное!

– Правильно, только не просто черное, а такое, чтобы не особо привлекать к себе внимание. Ведь ты же не будешь надевать платье в пол с декольте, пусть даже и черное.

Аня фыркнула, представив себя в таком платье на похоронах.

– А почему не будешь? – продолжала я. – А потому, что на похоронах не ты главная, а тот, кого хоронят, от него вни-

мание отвлекать нельзя. Точно так же, как ты не наденешь платье в ярких цветах, потому что так не принято, на похоронах это неуместно. Здесь все ясно?

Аня кивнула.

– Более сложный случай – это праздник. Если это какой-то общий праздник, где нет главного героя, то ты должна быть одета так, как все. Если предполагаются вечерние платья – то ты тоже должна быть в таком, иначе ты будешь выделяться из толпы. Если это чей-то день рождения, то ты должна быть одета скромнее виновника торжества.

– А откуда я знаю, как этот виновник будет одет?

– Не знаешь, поэтому сама должна быть одета красиво, но скромно. Ты вообще знаешь, что такое дресс-код?

– Ну, примерно, знаю.

– Это правила в одежде, которые не принято нарушать. Вот эти правила, как раз, и определяют, что уместно, а что нет.

Аня немного помолчала, а потом сказала задумчиво:

– Я, наверно, знаю, почему за моей спиной девчонки шушукуются. Я одеваюсь неправильно. Я иногда вижу красивое платье, и оно мне так нравится, что я его покупаю и сразу бегу в нем в институт. А они надо мной смеются.

– Вот теперь не будут, – пообещала я.

Уже, уходя из магазина, мы остановились около киоска с разнообразными шарфами, и я купила ей палантин, очень подходящий к ее зеленой куртке, на котором зеленые полос-

ки сочетались с широкими серыми и тонкими черными и белыми, вместе создавая причудливый узор.

– Это мой подарок тебе на память, – сказала я.

– Спасибо! – Аня залюбовалась шарфом. – Мне так жаль, что мы с вами расстаемся! – добавила она.

В этом признании было столько искренней грусти, что у меня защемило сердце. Как это ни странно, но мне тоже было жалко, что наше совместное пребывание подходит к концу. Я даже не знаю, как я ее воспринимала: как подругу, младшую дочь, может быть даже внучку, но нам обоим было не скучно вместе, и я чувствовала, что нужна ей, а одно это чувство дорогого стоит.

– Не грусти, мы же не навсегда расстаемся. Ты можешь ко мне в гости приехать, мы по Москве погуляем, в театр ходим. Приедешь?

– Приеду, – Аня радостно закивала головой. – Я обязательно приеду.

Катя с детьми должна была вернуться через неделю после моего приезда из санатория. Я разговаривала с ней по телефону. Звонки были как всегда очень скупыми на информацию: все нормально, дети здоровы, еды хватает, но голос был веселый, поэтому я надеялась, что у них действительно все хорошо. А, собственно, что должно быть плохого? Две самостоятельные женщины и трое мальчишек. Я знала, что они точно не скучают!

Ира была Катиной подругой с самого первого класса. Если Катя была домашним баловнем, то Ира, наоборот, воспитывалась родителями очень самостоятельной. Да и как могло быть по-другому, если оба родителя постоянно на работе, а бабушек нет. Ира была типичным «ребенком с ключом на шее», как говаривали во времена нашей молодости. Так называли тех, кто самостоятельно приходил из школы, сам себя обслуживал, сам делал уроки, у кого родители были заняты с утра до вечера. В первом классе Ирина мама даже договорилась с моей мамой, что та будет забирать Иру к нам, кормить и держать до вечера, до ее прихода. Вот тогда девочки и сдружились. Ирочка была в нашей семье, как родная, могла прийти к нам со своими проблемами, да и вообще с любыми вопросами. Она хорошо училась, много читала, они с Катей поступили в один и тот же институт. Заму-

жем она была очень недолго. Я помню, как она сидела у меня на кухне, (Катя тогда уже жила отдельно), ела торт, пила чай и рассказывала, что прогнала мужа.

– Нет, тетя Наташа, ну представляете, он себе еще и подружку завел. Мало того, что месяц работает, а два у меня на шее сидит, так, оказывается, еще и на сторону смотрит. Я когда это узнала, то чемоданчик его быстренько собрала и на лестничную клетку выставила. Даже дверь ему не открыла. А зачем мне, чтобы он мне лапшу на уши вешал.

– Ирочка, но ведь у вас сын. Не пожалеешь потом?

– А я и сейчас жалею. Жалею, что не сделала этого раньше, три года терпела этого бездельника.

Вот в этом она вся – самостоятельная, резкая, бескомпромиссная. И воспитывает теперь своего любимого Степochку одна, совершенно не переживает. Ее мама ушла на пенсию и помогает ей. Недавно мне по секрету сказала, что у Ирочки появился ухажер. Да я и не сомневалась, что у нее все будет хорошо – она славная, жизнерадостная. А чужие дети теперь никого не пугают. Это в наше время «разведенка с ребенком» звучало, как приговор, а теперь это норма жизни. Я знаю, что она и не особо рвется теперь замуж: сын у нее уже есть, а желающие доставить женщине приятное, да еще и без каких-либо обязательств, всегда найдутся.

Я всегда по-хорошему завидовала таким женщинам, как Ира, их легкому отношению к браку. В нашей семье такого не было. То ли потому, что нам с мамой достались такие пре-

красные мужья, то ли от того, что мы и сами готовы были ради них идти на любые жертвы, но в наших с ней семьях был ярко выраженный патриархат. Никто никогда не оспаривал право мужчин на главенство, но они, надо отдать им должное, этим правом не злоупотребляли. А вот какое соотношение сил в семьях моих детей, я толком не знала. Они – люди другого поколения, у них все по-другому, так что не мне об этом заботиться и, тем более, переживать.

Когда зазвонил телефон, то я думала, что это кто-то из моих детей, но номер высветился незнакомый.

– Наталья Александровна? Вы меня не знаете, меня зовут Алексей Иванович, я Анин папа.

– Здравствуйте, с Аней все в порядке? Она здорова? – заволновалась я.

– Да, да, совершенно здорова. Я звоню поблагодарить вас за то, что не бросили Аню, общались с ней так хорошо. Она много о вас рассказывает.

– Да не за что, – смутилась я. – Она очень хорошая, умная девушка, мы с ней прекрасно ладили. Я надеюсь, что вы разрешите ей как-нибудь приехать ко мне в гости.

– Я, собственно, поэтому вам и звоню. У меня есть встречное предложение. Приезжайте лучше к нам. У нас здесь хорошо, хотя и не шикарно. Мы с Анютой будем очень рады.

Я была и удивлена и смущена таким предложением. Не то, чтобы я чего-то боялась, но одно дело общаться с девушкой,

а совсем другое – с ее папой.

– Ой, наверно, ничего не получится. Мне меньше, чем через неделю, внуков привезут, они у меня здесь жить будут. Я не могу никуда уехать.

– А вы берите с собой внуков.

– Вы шутите? Один еще достаточно маленький, только три года.

– Но вы же с ним справляетесь? У нас тоже все удобства в доме, поэтому не вижу разницы.

– Зато я вижу. Когда они сходят с ума у меня на голове, то это мои внуки, а вы-то за что страдать должны?

– Да меня практически и дома не бывает, а Анюта будет только рада, она детей очень любит.

Похоже, что у него были заранее заготовлены ответы на все мои возражения. Предложение, конечно, было неожиданное, но, с другой стороны, может это лучше, чем сидеть с детьми в городе?

– А природа у вас там есть? – спросила я.

– Природа? – он явно развеселился. – Природы у нас полно! И лес есть, и речка.

– Тогда, если вы такой смелый и не боитесь нашествия варваров, то мы к вам приедем на недельку.

– Вот и славно! Я очень рад.

– Я тоже – сказала я нерешительно.

– Тогда пишите, как к нам добраться!

Катя была удивлена не меньше моего.

– Мама, но ты же его совершенно не знаешь!

– Не знаю, но дочку его знаю, и она мне нравится. Там природа хорошая, – добавила я. – Ты представь, что я просто сняла дачу.

– Ну, давай, – в голосе чувствовалось сомнение. – Только, если что, ты сразу звони, мы приедем и заберем.

– Естественно!

До Калуги мы доехали электричкой. Алексей Иванович с Аней встречали нас на вокзале и повели к машине – не новой, но явно хорошо ухоженной. Хозяин был под стать машине. Он точно не был красавцем, среднего роста, выглядящий на все свои годы, с ежиком коротко подстриженных седеющих волос и такими же седеющими усами. На лице примечательными были только глаза, которые смотрели на собеседника серьезно и дружелюбно. Маленькие лучики морщинок от внешних уголков глаз добавляли его лицу немного насмешливое выражение.

Нам предстояло еще минут двадцать добираться до места. Мне сказали садиться рядом с водителем, Аня с мальчиками сзади. На заднем сидении было детское кресло.

– Откуда у вас детское кресло? – удивилась я.

– У соседа одолжил, – пояснил Алексей Иванович.

Мне сразу стало совершенно спокойно. Если человек мог подумать о такой мелочи, как детское кресло для моего маленького внука, то на него можно положиться.

Машину он вел уверенно, спокойно, очень по-мужски.

Я всегда обращаю внимание на стиль вождения, считаю, что он хорошо отражает характер водителя. Мне очень нравилось, как водил машину мой папа. Его движения были выверены до мелочей. Когда он учил меня, то объяснял каждое свое действие – рассказывал, что он делает руками, как у него при этом двигаются ноги. Автоматических коробок передач в то время у нас еще не было, но он так виртуозно управлялся с механикой, что в него можно было влюбиться, только увидев, как он ловко орудует коробкой скоростей. Очень сдержанный в жизни, в машине он становился еще и предельно собранным, никогда ни на что не отвлекался, разговаривал очень мало, и нам с мамой запрещал болтать. Мы, конечно, его запрет игнорировали, но он в наших разговорах никогда не участвовал и от дороги ни на что не отвлекался.

Мой муж за рулем сидел так же, как в своем кабинете. Играла тихая музыка, рядом лежал мобильный телефон, пачка сигарет, в подставке стояла бутылка с водой. Он просто жил в машине, обсуждая дела, назначая встречи. Иногда, если не успевал поехать, то и закусывал, не отрываясь от дорожного движения. Никаких запретов на разговоры в его машине не было, наоборот, он шутил и смеялся вместе со всеми. Механику водить умел, но предпочитал автомат и любил машины представительского класса, так как из-за пробок проводил в них много времени.

Саша водит почти так же, как отец, но, будучи менее темпераментным, практически никогда не нарушает скоростной режим, предпочитает без нужды не обгонять. Это прекрасно, ведь у него двое маленьких детей.

Катюша водит неплохо, но практики особой у нее нет, так как она дома сидит, а машиной пользуется Виктор. Какой у нее стиль я еще не поняла, но когда она с детьми приезжает ко мне, то я всегда прошу, чтобы она по приезде домой позвонила, нормально ли добралась, волнуюсь за них.

За Алексея Ивановича можно было не волноваться, он точно знал, что делает, и не суетился за рулем. Заехав на участок, он припарковал машину под навесом и повел нас знакомиться со своей овчаркой Ингусом, который жил в будке и охранял дом. Пес был умный, Алексей Иванович заверил, что для детей совершенно не опасный. Мои внуки были от собаки в восторге, но получили строгие указания, как с ней нужно себя вести, чтобы не было неприятностей.

Дом был не слишком большой, но и не маленький, деревянный, с ломаной крышей, покрытой метало черепицей. Словом, стандартный дачный дом. Поселок, в котором он стоял, был добротным, асфальтированным, но застройка вокруг была смешанная: попадались и очень дорогие дома, и древние, маленькие полуразвалившиеся избышки на курьих ножках. Это было старое зеленое дачное место, постепенно превращающееся в престижный пригород.

В доме уже хлопотала Маша. Она оказалась женщиной лет

сорока пяти, но уже сидящей и очень полной, что ее сильно старило. Через всю правую щеку у нее шел глубокий шрам. На наше приветствие Маша буркнула что-то невразумительное и кивнула головой. Ане она сказала, что ужин будет через полчаса.

– Вы не обращайте на нее внимание, – сказала мне Аня, когда мы вышли из кухни, – она со всеми так разговаривает, вернее, не разговаривает. Но она хорошая.

Я немного волновалась, как Маша воспримет маленьких детей в доме, ведь от них столько шума и беспорядка, но, когда Андрюшка вошел на кухню, то он показал, какими дети могут быть воспитанными. Он сказал: – «Здравствуйте, тетя Маша», а потом увидел трехцветную кошку, которая лениво лежала на кухонном стуле, и так искренне восхитился «Ой, так у вас и кошка есть!», что даже на Машином лице появилось подобие улыбки.

Когда мы пришли ужинать, то стол был накрыт, Маши не было.

– Она с нами никогда не ест – пояснила Аня, – она в домике для гостей живет, туда еду забирает.

После ужина Аня пошла укладывать детей спать, а мы с Алексеем Ивановичем собрали посуду, и вышли на крыльцо, которое, скорее, было открытой верандой около полутора метров глубиной. Он курил, а я сидела в плетеном кресле и смотрела на сад, который уже окутывала вечерняя мгла. Она еще не была густой, ведь была середина лета, день толь-

ко начал убывать, но очертания деревьев уже трудно было разглядеть. Докурив, хозяин спустил Ингуса с цепи и, вернувшись, сел на соседнее кресло.

Некоторое время мы оба молчали, но это молчание не было тягостным. Бывают люди, с которыми молчать не получается, нужно все время поддерживать разговор, иначе возникают неловкие паузы. А здесь молчание было нормальным, в нем не чувствовалось никакой напряженности.

– Наверно, я все-таки должен вам объяснить, почему мне так хотелось пригласить вас, – сказал вдруг он.

– Ну, объясните, – согласилась я, хотя в глубине души догадывалась о его мотивах.

– Вы только не подумайте, что я вас как-то использую. Просто вы единственный человек, единственная женщина, с которой у Анюты получился контакт. Вы же знаете, что мать ее бросила, вернее меня бросила, ну и ее заодно. А из меня, сами понимаете, какой воспитатель для девочек! – он развел руками.

– Должна сказать, что девочка у вас замечательная, так что не принижайте себя – нормальный вы воспитатель!

– Да не особо, – он покачал головой. – Я ее, конечно, очень люблю, она, собственно, все, что у меня есть, и поэтому хочу, чтобы она была счастлива, а вот как этого добиться, не знаю. Вот с подружками у нее не очень получается.

Мы помолчали. Он взял еще одну сигарету, протянул мне пачку, предлагая закурить. Я, молча, отрицательно покачала

головой.

– Я когда сюда переезжал, думал, что теперь у нее будет нормальная жизнь, друзья, а получилось, что опять только я да Маша, а она, вы видели, какой собеседник – десяти слов в день не добьешься. А из санатория она приехала совсем другим человеком, веселая, болтает без умолку, все рассказывает мне, как вы с ней гуляли, как в магазин ездили.

– Я хочу вам сказать, что ваша дочь – чудо! Я не преувеличиваю. И я думаю, что все у нее может быть очень хорошо.

– Ваша фраза предполагает продолжение.

– В каком смысле?

– Вы сказали, что может быть все будет хорошо, если...

– Я не сказала «если».

– Но подумали.

– Да, подумала. Подумала, что она должна найти свой путь, а не идти по тому, который вы ей навязываете. Простите, если я лезу не в свое дело, но вы сами меня спросили. Вы знаете, что ей не нравится в институте?

– Знаю. Говорит «скучно», но я думаю, может быть это потому, что у нее там друзей нет?

– Не думаю. Мне показалось, что ее просто эти предметы не интересуют, хотя она и справляется с ними нормально, она ведь способная и учиться умеет.

– А что ей интересно? – Алексей Иванович тяжело вздохнул.

– Я ее не спрашивала, но могу спросить, если позволите.

– Хорошо, спросите при случае.

Мне было ужасно жалко этого симпатичного человека: он так старался устроить своему единственному ребенку нормальную жизнь, а оказалось, что эти старания напрасны. Это грустно. Я подумала о Кате. Мы ведь тоже хотели, чтобы она получала удовольствие от работы, тем более, что способности у нее хорошие, могла бы делать нормальную карьеру. А она предпочла жизнь домохозяйки с двумя детьми. Дети – это, конечно, прекрасно, я счастлива, что они у нее есть, но как же ее жизнь? Разве для того она училась так упорно, чтобы потом дома сидеть и носы детям вытирать? У меня не было ответов на эти вопросы.

Дачная жизнь – прекрасная штука! Погода была хорошая, дети все время проводили на участке, где на лужайке у них было расстелено старое одеяло, на котором они не только играли, но, иногда, и спали после обеда. Маша занималась огородом и покрикивала на них, если они слишком шумели или топтали растения. Мальчишки ее совершенно не боялись, видимо интуитивно чувствуя, что она «хорошая», как говорила Аня.

Я с самого начала сказала, что детям буду готовить сама, ссылаясь на то, что они – маленькие привереды. На самом деле мне было просто неловко взваливать на плечи кухарки дополнительные заботы по приготовлению каш, творогов, детских супов и т. п. Магазин был недалеко, в продуктах недостатка не было. Окно кухни выходило как раз туда, где резвились внуки, так что можно было наблюдать за ними, не отрываясь от готовки. Аня все время проводила с ними, играя в детские игры с не меньшим увлечением, чем сами дети, или читая им книжки. Если бы я хотела няню для своих детей, то лучшей мне было не найти.

Когда детям она была не нужна, то приходила на кухню и смотрела, как я готовлю. В принципе, я считаю, что только так можно научиться ремеслу – смотреть, как это делают старшие, потом помогать им, потом делать самому, но под

их руководством, потом ты сам знаешь, как это делается, твои руки это знают. Тогда ты можешь идти на эксперименты, улучшения, модификации, чтобы потом другой молодой человек смотрел, и учился у тебя.

Я так училась готовить у своей бабушки, которая была не очень изысканной кулинаркой, но какие-то вещи делала очень вкусно. Я приходила к ней на кухню, мне было интересно с ней поговорить, а она давала мне нож и луковицу, и говорила «На, почисти». Я чистила картошку, резала овощи, перебирала гречку. Я делала это как бы между делом, болтая с бабушкой о том, что происходило в школе, или слушая ее истории. Но, когда она умерла, то оказалось, что я совершенно точно знаю, как нужно приготовить то или иное блюдо. Мне не нужны были даже рецепты, в которых все в граммах или унциях. Я, как говорится, «кончиками пальцев» знала, какой консистенции должно быть тесто на блины, а какой на оладьи, как сделать клецки к бульону, сколько соли положить в суп, а сколько в кашу.

Аня с интересом смотрела, как я завариваю бульон клецками. Вот я разбиваю в чашку яйцо, добавляю холодной воды...

– А почему воду надо налить в скорлупку? – спрашивает она.

– Анечка, я не знаю. Так всегда делали у нас в доме, так теперь и я делаю. Думаю, что все очень просто: под рукой ничего, кроме половинки скорлупы от яйца не было, руки

были грязными, чтобы ложку брать из буфета. Вот хозяйки и использовали эти скорлупки, тем более, что воды надо совсем чуть-чуть.

– Наверно, – соглашалась она. – Я такого никогда не ела.

– Я дам тебе попробовать.

– Я тоже так делать буду, когда у меня будут свои дети, – сказала она, откусив кусочек клецки. – Это вкусно.

Но кулинария была не единственной темой для разговоров на кухне. Я же обещала Алексею Ивановичу выяснить, чем бы она хотела заниматься, если бы ее не направили в экономический институт, и я осторожно подбиралась к этой теме. Но, когда я ее спросила об этом, то оказалось, что она точно знает ответ.

– Я бы пошла в медсестры – просто сказала она.

Я была удивлена.

– Почему не в медицинский? Ты не хочешь быть врачом?

– Я думаю, что врачом я не потяну, это очень сложно, а вот медсестрой я могла бы быть хорошей. Я когда зимой в больнице лежала, то там девочки мне все показали: и как уколы делать, и как больного переворачивать. Я бы справилась.

– Да ты бы и врачом была бы прекрасным, что ты придумываешь. Но это, действительно, очень сложно, а, главное, ответственно.

– Медсестра – тоже немного сложно, – она задумалась, – но мне очень нравится.

– А папа что думает по этому поводу?

– Нет, – испугалась Аня, – я ничего ему не говорила.

– Почему?

– Он бы сказал, что это тяжелая, грязная работа, и что за нее плохо платят.

– А тебя это не смущает?

– Мне не хочется, чтобы папа огорчился.

Тяжелый случай. Папа огорчится, поэтому она молчит. А папа ведь бывший врач, кому, как не ему рассказать о своей мечте.

– Хочешь, я узнаю у папы, как он к этому относится? Может быть, он тебя поймет и разрешит бросить институт, или даже не бросить, а просто не работать по специальности и идти учиться на медсестру?

– Папа так и говорит: диплом получи, а дальше делай, что хочешь.

– А ты?

– Я учусь, но потом все равно с цифрами работать не буду. Это такая тоска!

– Вообще-то, совсем не тоска! Ты ведь никогда не была на производстве, поэтому не чувствуешь, что за цифрами скрываются реальные процессы. Ты вот к папе сходи на предприятие, пусть он покажет тебе, как там все работает.

– Нет, не пойду. Я лучше санитаркой пойду, там вообще образования не нужно, или воспитателем в детский сад.

– Ладно, не переживай, я поговорю с папой.

– Только пусть он на меня не ругается, я же диплом не от-

казываюсь получать.

– Обещаю, что ругаться не будет.

И началась моя челночная дипломатия. Вечером я передала Алексею Ивановичу этот разговор. Казалось, он не был удивлен, хотя и расстроился.

– Очень мне не хотелось, чтобы она в медицину шла. Платят гроши, оборудование старое, работа тяжелая. Вы себе представляете, что такое поворачивать лежащих больных, убирать за ними?

– К сожалению, я это очень хорошо представляю, – сказала я грустно. – И вас понимаю прекрасно, но, что касается оплаты, то думаю, что сейчас это не совсем так. Во всяком случае, хорошая медсестра в качестве сиделки при тяжело больном человеке может зарабатывать вполне приличные деньги, знаю по своему горькому опыту.

– Четыре года учебы псу под хвост, – сказал он, глубоко затянувшись, и попытался отмахнуть сигаретный дым, чтобы он не шел в мою сторону.

– Это, конечно, жалко, но уж больно не по ее характеру в банке работать или в конторе сидеть. Даже слышать об этом не хочет.

– Да, она любит детей и зверей, добрая. Такой доброй сейчас нельзя быть – затопчут. Страшно мне за нее, – пожаловался он.

– Мне за своих тоже страшно, особенно за дочь. Мне кажется, что не особо хорошо у нее сейчас с мужем. Она мол-

чит, но, думаю, что там не все ладно. Диплом получила, время тоже потратила немало, да и сил, а по специальности не работает. Тоже, можно сказать, «деньги на ветер».

Наш разговор продолжился на следующий день. Видимо, он все это время думал над тем, что я ему сказала.

– Может, пусть попробует?

– Что вы имеете в виду?

– Пусть идет санитаркой в больницу. И институт в следующем году тоже пусть окончит. Жизнь, знаете ли, длинная, может все-таки экономический диплом ей пригодится когда-нибудь.

– А как же она совмещать-то будет?

– Вот, пусть и думает! Если не испугается такой работы, тогда пусть идет учиться, я заплачу за ее образование. А то, сегодня «хочу», завтра «не хочу». Так не получится!

Голос был раздраженный, но было ясно, что злится он не на дочь, а на то, что, желая ей самого лучшего, сам выбрал ей не ту дорогу, по которой она готова идти.

Я даже удивилась, насколько Аня обрадовалась, когда я ей рассказала о нашем разговоре с ее отцом.

– Это здорово! Я пойду в ту больницу, где зимой лежала, там санитарки нужны, и волонтеры тоже!

И она стала рассказывать, как приходят женщины, которые помогают за больными ухаживать, судно выносят, кормят, читают, полы моют. Если бы не они, то там бы жуть, что творилось, ведь санитаркам платят очень мало, поэтому

они и работают так плохо. А эти женщины верующие, они вообще работают бесплатно или им родственники немного платят.

– Я это все видела, честное слово!

Она рассказывала про такие грустные вещи, а глаза у нее горели. Я поняла, что она, действительно, рождена, чтобы помогать другим. Чудо в нашей сегодняшней жизни!

Она так загорелась этой идеей, что едва отец вернулся с работы, побежала с ним разговаривать. Я не слышала слов, только из окна наблюдала за этой сценой. Они сидели под яблоней за деревянным некрашеным столом, за которым мы обычно ужинали в хорошую погоду. Плечо к плечу. Он ей что-то говорил, она слушала, кивала, потом что-то ему стала доказывать. В итоге он привлек ее к себе и поцеловал в висок. Она посмотрела на него, о чем-то спросила, он кивнул. Дело было сделано. Она вскочила из-за стола и побежала в дом, чтобы рассказать мне, что папа ей все разрешил, а он долго грустно смотрел ей вслед.

Когда она вбежала в кухню, то я уже вытерла слезы, а в руке держала луковицу, чтобы было правдоподобное объяснение, почему у меня глаза красные.

Наше пребывание в гостях подходило к концу. Я начала заговаривать об отъезде уже неделю назад, но хозяева так активно протестовали, что я согласилась пожить еще. Мы действительно прекрасно проводили время: гуляли, купались в речке, вечером жарили мясо на углях для взрослых и сосиски для детей. Однако, пора было и честь знать. Тем более, что разговоры с дочерью были какими-то скомканными. Мне все время казалось, что она что-то недоговаривает. Хотелось увидеть ее, постараться понять, что происходит.

Аня расстроилась, а Алексей Иванович только сказал: «Вы теперь дорогу к нам знаете, приезжайте в любой момент, мы будем ждать». Я знала, что он говорит совершенно искренне.

Узнав, что мы возвращаемся, Катя сказала, что встретить не может, чтобы я везла детей к себе, а она вечером приедет. Я, конечно, тут же позвонила Саше и спросила, не знает ли он, что случилось у сестры.

– Мама, не паникуй, она здорова, работу ищет, – сказал он. – Я, кстати, тоже на следующей неделе буду в Москве.

– Дела?

– Да, дела.

Нет, совершенно очевидно, что что-то не так. Дети раньше никогда со мной так скупно не разговаривали.

Когда Катя пришла, то у детей был послеобеденный сон. Она поцеловала меня и тихо прошла в бывший отцовский кабинет, где на разложенном диване спали ее сыновья. Она долго умильно смотрела на эту благостную картину, а я смотрела на нее. Похудела, но больной не выглядит, одета поделовому – легкий полотняный костюм, туфли на каблуке, возможно, что была где-то на собеседовании. Вымыла руки, пришла на кухню.

– Как с работой? Получается? – спросила я.

– Вполне возможно, но они еще не ответили окончательно. Там пока беременная ставка. Представляешь, обрадовались, что у меня уже есть двое детей! Мне так и сказали, что очень надеются, что я уже свою программу деторождения выполнила, а то у них одна за другой три девочки в декрет уходят.

Она засмеялась, но глаза все равно были какие-то напряженные. Я ждала, вопросов не задавала, рассказывала про наш отдых, как детям понравилось за городом. Катя слушала рассеянно, реагировала невпопад. Я встала, чтобы включить остывший чайник.

– Мама, я развожусь с Виктором – сказала она мне в спину. – Только, пожалуйста, не начинай истерики, все нормально, все живы-здоровы.

Я медленно к ней повернулась.

– Значит, Саша по твоим делам сюда приезжает на следующей неделе?

Катя кивнула.

– Да, он должен с Виктором уладить имущественные вопросы.

Как повезло, что в доме есть собственный юрист!

Я не стала спрашивать, что случилось. Захочет – сама когда-нибудь расскажет, только спросила: «Тебе больно?»

– Ты знаешь, мне никак. У меня внутри нет никаких чувств – ни боли, ни радости. Мне просто некогда чувствовать, очень много проблем нужно сейчас решить: с квартирой, с работой.

– Ты мне только скажи, это все потому, что я не захотела тебе помочь?

– Нет, мамочка, не переживай, ты тут совершенно не при чем!

Это слово «мамочка» было таким полузабытым, из самого ее детства, она так давно меня не называла мамочкой, что у меня даже слезы навернулись на глаза, и я отвернулась к окну, не желая, чтобы она это увидела.

– Не плачь, я действительно в порядке, – по-своему истолковала мои слезы Катя. – Мне только предстоит сказать об этом парням, вот этого я боюсь.

– А как вы решили относительно детей?

– Нормально решили, цивилизованно. Пусть общается, сколько хочет, я не против. Это его дети.

– Он согласен?

– Да. Согласен.

Мы дальше обсуждали только предстоящий обмен квартиры, соображали, какой район выбрать, чтобы всем было удобно. Теперь это было и мое дело. Мне предстояло стать реальной бабушкой, а ей – работающей мамой. Наша жизнь круто менялась, и нужно было не слезы лить, а организовывать эту новую жизнь.

Это новая жизнь быстро втянула нас в свой водоворот. Катя вышла на работу, Ваня пошел в школу, в которую ходила когда-то его мать. Андрюша сидел со мной дома и ждал места в детском саду. Катя продала свою квартиру на окраине и купила большую двухкомнатную квартиру в паре кварталов от меня, которую сейчас ремонтировала, а жили они со мной.

Наша квартира, которая казалась мне такой большой, когда мы остались в ней вдвоем с мужем, а потом я одна, теперь стала вдруг тесной. По ней носились дети, везде валялись их игрушки, во всех комнатах были спальные места. Я сейчас уже не могла представить, как мы помещались здесь впятером, когда еще моя мама была жива. Но утром, когда Катя с Ваней отправлялись на свои «работы», мы с младшим наводили порядок, складывали посуду в посудомойку, и до возвращения старшего внука из школы квартира была похожа на нормальное жилье.

Меня на удивление мало волновал бедлам, который устраивали внуки. Дети в принципе должны и шалить, и бегать,

это совершенно нормально. Когда они, наконец, укладывались спать, то у меня наступали часы покоя, которые мне жалко было тратить на такую ерунду, как уборка. Я читала новости, переписывалась или перезванивалась с друзьями. Для чтения книг оставалось совсем мало времени перед отходом ко сну, ведь на завтра нужно быть свежей и опять заступать на вахту.

С калужскими друзьями общались довольно регулярно. Аня заканчивала учебу в институте, подрабатывала санитаркой в больнице, была очень довольна, хотя и уставала, не высыпалась. Алексей Иванович убедился, что у нее серьезные намерения и, похоже, с этим смирился. Встретились мы только весной, когда Аня получила, наконец, диплом, и пригласила меня его отпраздновать. Мы пили шампанское и чай с тортом, а потом она умчалась в больницу.

– Ну вот, даже сегодня не могла дома посидеть – заворчал Алексей Иванович, но было понятно, что это он делает для порядка, а на самом деле гордится дочерью.

Мы взяли собаку и пошли по тропинке, идущей через лес к реке.

– Ну, вы немного успокоились? – спросила я.

– Даже не знаю! Хорошо хоть, не будет разрываться между институтом и больницей, а то вон какая худая стала, поест толком некогда. Но вообще, – продолжил он после паузы – девка оказалась упорная, не ожидал я от нее такого. И думаю, что из нее хорошая медсестра получится, она толковая

и рука у нее легкая.

– Откуда вы знаете?

– Да я тут зашел как-то в больницу, – смутился он, – ну и поспрашивал про нее. Хвалят. А больные, так просто, – он немного помолчал, подбирая слова, которые не выглядели бы так, как будто он ею хвастается – ну, очень к ней хорошо относятся, – закончил он.

– Значит, не удержались, следили за ней! – засмеялась я.

– Ну так, самую малость...

Аня была молодец! Она очень повзрослела за этот год, стала держаться как-то уверенно, пропала та детская нерешительность, которая так не соответствовала ее возрасту еще в прошлом году.

– Вот не знаю только, как она будет учиться в училище. Она же будет там старше всех лет на шесть. Вдруг ей опять станет не интересно с этим молодняком?

– А мне кажется – сказала я, – что они ее будут уважать, ведь она уже не только диплом имеет, но и поработала. Я уверена, что она там будет лучше всех.

– Да, если ей что-то интересно, то она очень глубоко копает. Она бы и врачом была хорошим, но это уже поздно. И так она закончит колледж, когда ей будет двадцать четыре года.

– Ну и что? Что это за возраст такой? Совсем еще девочка.

– Ну, не скажите, надо ведь и замуж успеть выйти, детей родить.

– Опять вы все планируете за нее. Да успеет она и детей

родить, и наработаться всласть.

– Что-то я не вижу, чтобы ее парни хоть сколько-то волновали.

– Бойтесь, что останется старой девой?

– Да не знаю я, чего я боюсь! – отмахнулся он от меня – Но мне за нее спокойно.

– Ну, так это наша родительская доля такая – беспокоиться. Я, может, тоже беспокоюсь, но одно могу вам сказать: они сейчас все воспринимают не так, как мы в свое время. Раньше развод был концом света, а, особенно – если ты оставалась с двумя маленькими детьми на руках. А что теперь? Я все пытаюсь понять, переживает ли моя Катя. Нет, не вижу никаких следов. Ходит вполне довольная жизнью. Работа ей нравится, деньги платят, мальчики присмотрены и, кажется, ничего ее больше не волнует.

– Да, правил тут нет вообще – согласился Алексей Иванович. – Меня, вот, сколько раз пытались женить. А мне это зачем? Чтобы у Ани мачеха была? Не нужно ей этого. Вы же за меня не пойдете, а на другую – она не согласится, – со смехом закончил он.

Я тоже засмеялась.

– Ну, если жену искать, то вам нужна другая возрастная категория, что-нибудь «тридцать пять плюс».

– И что мне делать с этой «тридцать пять плюс»? Я-то ей зачем нужен? А мне она зачем? Для хозяйства у нас Маша есть.

Я не стала развивать эту тему и подумала, что человек, прошедший пол жизни в колониях, в том числе и женских, посмотрелся на такие человеческие характеры, что ему очень сложно поверить в искреннюю любовь и верность.

Я как-то, еще в прошлый приезд, спросила его, за что Маша сидела. «За убийство» – спокойно ответил он. «Муж ее избивал, она ребенка потеряла уже на очень позднем сроке, больше родить не могла. Так она, вернувшись из больницы, его, пьяного, задушила ночью».

Как, зная эти истории, захотеть снова жениться, особенно когда тебя жена с трехлетним ребенком бросила, как поверить, что не все женщины такие?

Я переночевала и на следующий день уехала. Встретились мы только месяцев через пять.

Было воскресенье. Виктор утром заехал, забрал мальчиков гулять, а я, воспользовавшись свободным днем, пошла в парикмахерскую. Когда вернулась, то нашла на кухонном столе записку от Кати.

Мама, я уехала к Ирке, буду после обеда.

К тебе приходил какой-то мужчина. Седой, с усами. Узнав, что тебя нет, сказал, что попробует тебя застать часов в 11. Я не успела его спросить, кто такой.

К.

Алексей Иванович. Интересно, что он делает в Москве?

Когда он вошел, то я сразу поняла, что он чем-то обеспокоен, вернее расстроен.

– Аня здорова?

– Да, здорова, – голос был напряженный. – Она вам не звонила последнее время?

– Нет, недели полторы не слышала ее.

– Ну, тогда вы не знаете, что она еще удумала. Она решила ребенка усыновить.

Я была совершенно ошарашена. Какой еще ребенок, когда она учится.

– Вот и я ей говорю «Какой тебе ребенок? Ты сама еще ребенок!».

– А она?

– Рыдает.

– Откуда, вообще, родилась такая идея?

Оказалось, что все очень просто. Она работала в гинекологическом отделении. Там ей рассказали, что девочка молоденькая родила недавно, но ребенка оставила, отказалась от него, потому что парень ее против. Девочка приезжая, родителей нет, ребенок ей не нужен. Этот мальчик лежит в детском отделении, ждет отправки в дом ребенка. Аня пошла посмотреть и погибла. Теперь умоляет отца, чтобы он разрешил ей ребенка взять себе.

– Нет, ну вы себе это представляете? Ни мужа, ни работы, учиться только начала, так ей нужно грудного ребенка на себя взвалить! Я, конечно, понимаю, она всегда в дом тащила кошек, собак, птиц, но это ведь не собака, это ребенок! Это же ответственность на всю жизнь!

– А как она-то объясняет это решение?

– Да никак, ревет, говорит, что чувствует, что это ее сын, Митей назвала. Ну, просто с ума совсем сошла! Я ей говорю, что такие вещи делают тогда, когда уже на ноги встали, семью имеют, а она ничего слышать не хочет. Сама к заведующей пошла и стала просить, чтобы они не отдавали мальчика, пока она папу не уговорит.

– А как она вообще собирается все это совмещать?

– Говорит, что Маша ей поможет. Так вы же не представляете – Маша на ее стороне!.

– Она сама сказала?

– Да! Приходит ко мне и говорит, что если дело в деньгах, то она от своей зарплаты отказывается и готова даже мне платить, только чтобы я разрешил взять ребенка. Она, понимаете ли, мне платить будет!

– А откуда у нее деньги?

– Да как откуда? От меня же. Она же живет на всем готовом, деньги практически ни на что не тратит, а я ей плачу. Не очень много, но плачу – это дело принципа. Накопила!

– То есть вы там в меньшинстве?

– Да, в том и дело! Не знаю, как этим дурам в голову вложить, что нельзя такие вещи делать. Прошу вас, поговорите вы с Аней, может вас она послушает.

Я покачала головой.

– Я, конечно, могу с ней поговорить, но, судя по всему, все это бесполезно. Материнский инстинкт, знаете ли, страшная штука. Вот ваша Маша мужа убила из-за этого инстинкта. Если Аня почувствовала этого мальчика своим сыном, то не знаю, какие разговоры про деньги, какие другие разумные доводы ее смогут убедить.

– Да дело, ведь, не только в деньгах, – сказал грустно Алексей Иванович. – Ведь у нее жизнь, считай, еще и не началась. Ей своих надо родить. Вот возьмет она этого мальчика, а потом что?

– А, собственно, что?

– Ну как «что»? – начал опять кипятиться он, – Кто ее потом с ребенком возьмет?

– Думаю, что тут вы ошибаетесь. Если появится человек, который ее полюбит, то наличие ребенка его точно не остановит, а, если остановит, то, значит, это не любовь. А зачем Ане муж, который ее не любит?!

– Вот вы как повернули! Я что-то не понимаю, вы что, тоже считаете, что ей нужно его взять?

– Я думаю, что ни вы, ни я, ничего здесь не сможем изменить. Понимаете, – продолжала я, – если бы речь шла об обыкновенном человеке, который руководствуется в жизни доводами типа «Это неразумно», «Это несвоевременно», то можно было бы убедить ее, что в настоящее время ей лучше сконцентрироваться на учебе, работе, что материнство от нее никуда не убежит, что всех детей на свете не облагодетельствуешь и т. п. Но ведь она не такая! Она увидела этого ребенка, которого бросили прямо при рождении, и спроецировала его судьбу на себя. Ее мать тоже в свое время оставила, бросила, как что-то ненужное. Это счастье, что у нее такой прекрасный отец есть. А у этого мальчика никого нет. Вот, собственно, поэтому ее так и замкнуло. Я не знаю, сможет ли она услышать сейчас людей, которые ее отговаривают.

– Да не слышит уже...

– Более того, если даже его заберут и усыновят другие люди, то, боюсь, что она воспримет это как личную потерю, как будто это именно ее ребенка отняли...

Мы долго молчали. Я свое мнение высказала, он его выслушал, не зная, что мне возразить. Он и сам понимал, что

девочку воспитал необыкновенную, поэтому и поступки она совершает не такие, как все. Нельзя от нее ждать, что она будет жить стандартной жизнью стандартного человека, когда она явно «поцелована Богом», который дал ей такое огромное сердце, которое способно вместить больше, чем мы можем себе представить.

– Значит, согласиться? – наконец спросил он.

Я только головой кивнула в ответ, понимая, какое непростое решение ему предстоит принять.

– Я, наверно, тоже сошел с ума, если слушаю вас, – сказал он, вставая из-за стола.

Я не стала его удерживать, мы оба понимали, что ему сейчас не до гостевания.

– Я позвоню вам, – сказал он на прощание и пошел вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Позвонил он только через пару месяцев. Все это время я боялась сама набрать его или Анин номер. А что, если после нашего разговора, когда я «приняла сторону врага», он больше не хочет со мной разговаривать?

Я бы поняла его. Действительно, жили себе спокойно отец с дочерью, девочка была тихая и послушная, все делала, как ей папа велит. Но тут появилась старая ведьма и заколдовала ее. Все пошло наоборот после этого: девочка не захотела идти по той безопасной дороге, которую папа для нее выбрал, пошла совсем в другом направлении, стала пытаться все ре-

шать сама, подвергая себя опасностям, и папе приходилось ей помогать, расчищать дорогу, чтобы как-то облегчить ее путь.

А девочка все не унималась, она заходила все дальше в самую чащу, и было не совсем понятно, сможет ли она вообще выбраться из нее, или так там и погибнет. А папа так ее любил, что не мог ее бросить на этом пути, поэтому шел с ней, и вот, уже вся одежда его была изорвана, а конца этому опасному пути не было.

Страшноватая сказка получалась, и я была той старой ведьмой, которую они доверчиво впустили в свою жизнь. Поэтому я так обрадовалась его звонку.

– Простите, что не звонил долго, было очень много дел, пока все оформили.

– Так вы его взяли?

– Конечно, – сказал он, и мне показалось, что я услышала гордые нотки в его голосе. – Две недели назад домой привезли.

– Ну и как он?

– Как нормальный трехмесячный ребенок, – сказал бывший доктор, а теперь дед. – Славный малый, здоровенький, ест хорошо.

– Как Анята?

– Счастлива. Вся светится.

– А Маша?

– Даже и не спрашивайте! Про нас совсем забыла, он

у нее – свет в окне. Не отходит от него ни на шаг, даже в дом переехала, чтобы к Мите ночью вставать.

– А вы как? Освоились?

– А что мне остается? Вам надо как-нибудь приехать посмотреть на него. Аняте теперь совсем некогда вам звонить, но она будет очень рада, она вас очень ждет. Ей же надо своим сыном похвастаться, – сказал он, явно улыбаясь (это было слышно даже по телефону).

– Я постараюсь, но я же теперь на постоянной вахте. Катя ремонт закончила, скоро переедет. Буду теперь к ней по утрам, как на работу ходить, с Андрюшкой сидеть. Никак мы не дождемся места в саду, думаю, что получим не раньше осени.

– Я не тороплю, просто знайте, что мы рады будем. А фотографии я вам на телефон пришлю, посмотрите на нашего богатыря.

Мальчик, действительно, был чудесный! Темные волосики, карие умненькие глазки. Может быть, это подарок Аняте за ее одинокое детство, награда, которую она заслужила? Я знала, что теперь она никогда не будет одинокой – что бы в ее жизни дальше ни происходило.

Удивительно, как быстро летит время, когда ты занят делом. Не успеешь оглянуться, а уже пятница, а, казалось, только вчера был понедельник. Но выходные проскакивают еще быстрее. Ты планируешь в свое законное свободное время сделать кучу дел, а не успеваешь и малой части, как выходные уже закончились, завтра опять ранний подъем.

Вот так, быстро перебегая от одной недели к другой, прошел год после Катиного развода. Она работала, Ваня ходил уже в третий класс, Андрюша, наконец, в детский сад. Только сейчас можно было немного перевести дух. Оказывается, жизнь настоящей бабушки – полноценная работа, с той лишь разницей, что работодателя поменять не можешь, зарплату не платят, а бонусы выдают только в виде улыбки и благодарности, и то не регулярно.

Нет, мне, конечно, не на что было жаловаться, у меня прекрасная дочь, очень ценящая то, что я смотрю за ее детьми. Но и у нее бывают тяжелые дни, когда работы полно, а тут еще либо один парень заболеет, либо другой, а, частенько, и оба сразу, за компанию. Тогда уж не до улыбок.

– Мама, ты можешь посидеть с мальчиками допоздна сегодня – спросила она меня, позвонив после обеда.

– Могу, а ты на работе задержишься?

– Нет, мне надо кое с кем встретиться.

– Хорошо, только поаккуратней там, не приходи слишком поздно.

– Не волнуйся, меня проводят.

Я положила трубку и улыбнулась про себя. Она идет на свидание или с кем-то в театр, это совершенно очевидно. Понятно, что она мне этого никогда напрямую не скажет, очень сдержанная девушка, но я-то понимаю, что к чему. Ну и прекрасно! Пусть ребенок развлекается.

Прелесть того, чтобы всю жизнь жить в одном и том же доме, заключается еще и в том, что ты всех знаешь, и тебя все знают. С кем-то ты еще в школу ходил, с другими растил своих детей или прогуливал собак. В таком сообществе скрыть что-то довольно сложно. Буквально через несколько дней мне позвонила подруга и сказала, что видела мою Катю с мужчиной.

– Представляешь, идут из магазина, он несет ее сумки. Выглядело это очень романтично.

– И чего же романтического ты в этом углядела, интересно знать?

– Знаешь, когда мужчина позволяет себя нагружать сумкой с продуктами, это значит, что его намерения уже перешли из стадии знакомства на более высокий бытовой уровень!

– Мне кажется, что ты смотришь слишком много сериалов, – сказала я смеясь.

– Зря смеешься, и, кстати, зря не спрашиваешь, что за мужчина, – парировала подруга и, так и не дождавшись моего вопроса, сказала, что это был Петров из второго подъезда.

– Володя? – я удивилась, – Разве он здесь живет?

– Представь себе, недавно развелся и переехал обратно к матери.

Володя был Катиным одноклассником, очень хороший был мальчик, умный, веселый. Поступил в какой-то технический ВУЗ, мама его говорила, что хорошо работает. Про развод ничего мне не сказала. Вот ведь, как странно бывает. В школе они дружили, ходили друг к другу за книжками и дисками, но потом разошлись по разным институтам, больше, насколько я знаю, не перезванивались. Теперь у каждого за плечами развод, у обоих дети. Неужели это их вторая попытка или, может быть, только случайная встреча?

Вечер, ждем Катю, звонок в дверь. Взглянула в глазок – силуэт молодого мужчины.

– Вам кого? – спросила, не открывая двери.

– Тетя Наташа, это Володя, Петров, откройте, пожалуйста.

– Господи, Володечка, прости, я тебя не узнала, – сказала я, открывая.

– Конечно, я понимаю, правильно делаете, что чужим не открываете, – он улыбался. – Катя сказала, что придет минут через сорок и велела вас домой отпустить.

Услышав его голос, выскочили мальчишки, он вручил им пакет и велел отнести продукты в холодильник. Он вел себя здесь как свой, и для внуков его приход был привычным делом. Мне галантно подали пальто, и я ушла, улыбаясь про себя. Значит, думала я, — все-таки вторая попытка.

Я представила, как он с ребятами готовит ужин к приходу Кати, как они потом все вместе едят, смеются, и мне стало легко на душе. Не было никакой обиды на дочь, что она не сказала мне напрямую, что встречается с Володей, была только радость, что у нее появился мужчина, с которым ей хорошо.

Когда зазвонил телефон, было еще раннее утро. Если это не ошибка, то такой звонок не предвещал ничего хорошего. Действительно, по Аниному голосу я сразу поняла, что что-то случилось.

– Наталья Александровна, папу в больницу увезли, говорят, что инфаркт!

– Не плачь! Я обязательно сегодня приеду, только с Катей свяжусь, чтобы она ребят сама забрала.

Аня объяснила, где больница, я все записала. Уже через час я сидела в поезде.

Она вышла во двор больницы меня встретить. Была в белом халате, тоненькая, хрупкая, на похудевшем лице огромные тревожные глаза. Куда девалась полнота, которая, по ее мнению, была причиной издевок окружающих. Я понимала, что сейчас ей, порой, даже поесть некогда. И еще понимала, что ей ужасно страшно.

– Как он?

– Вроде сказали, что состояние стабильное, но инфаркт подтвердили.

– В реанимации?

– Да, но я там девочек знаю, они вас пропустят, только халат надо надеть.

Алексей Иванович лежал, подключенный к аппаратуре.

На мониторе бегали какие-то кривые, высвечивались цифры, в которых я все равно ничего не понимала. Он был бледный, руки, лежащие поверх одеяла, казались, почему-то, очень большими.

Увидев меня, он только головой покачал.

– Ну, зачем вы сюда приехали? Не надо было.

– Очень даже надо – сказала я, садясь на стул около кровати.

– Нет, не надо, – повторил он. – Мне неприятно, что вы видите меня в таком состоянии.

– Мой дорогой Алексей Иванович, – горько сказала я – вы даже не представляете, до чего картина мужчины в таком состоянии для меня привычна. Я пять лет наблюдала, как здоровый, полный сил мужчина превращается в тень самого себя, так что, поверьте, меня уже ничем не удивить.

– Умеете успокоить, – сказал он, горько усмехнувшись.

Я тоже улыбнулась. Я понимала, что такое беспомощное положение странно для него. Он, наверно, сам еще не понимает, что произошло. Хотя нет, понимает, он ведь врач. Тогда еще хуже.

– Как вы себя чувствуете?

– Как будто по мне проехали катком, но врачи говорят, что оклемаюсь.

– Ну и хорошо.

Он отвернулся от меня и долго смотрел в окно.

– Я вас прошу, если со мной что случится, то вы Аню

не оставляйте, пожалуйста, – сказал он, повернув ко мне лицо.

– Обещаю, только я надеюсь, что вы поправитесь, и сами будете о них заботиться.

– Я знаю, это я вам на всякий случай. Вы стали для нас, для нас обоих, очень дорогим человеком, – продолжал он – я хочу, чтобы вы это знали.

У меня защемило сердце. То ли от самого этого признания, то ли от того, что он сказал это сейчас, как будто боялся, что может не успеть. Я знала, что нравлюсь ему, да он это не особенно и скрывал, но никогда не говорил впрямую. А вот сейчас сказал. Я не хотела даже представлять, что это может означать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.